

зверненням приватного підприємства «Автосервіс» щодо офіційного тлумачення положень статей 177, 760, частини другої статті 777 Цивільного кодексу України (справа про переважне право наймача на придбання військового майна) // Вісник Конституційного суду України. – 2010. – № 1. – стор. 27.

4. Мусієнко В.В. Цивільно-правові аспекти договору оренди державного та комунального майна. – Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03/В.В.Мусієнко/ Інститут держави і права імені В.М. Корецького Національної академії наук України. – Київ, 2003. – 20с.

5. Безгубенко В. Ю. Розвиток орендних відносин та концептуалізація оренди об'єктів державної власності / В. Ю. Безгубенко // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Сер. : Економіка. – 2011. – Вип. 17. – с. 344-351.

6. Паскевич Ю.В. Правова природа договору найму (оренди) // Науковий вісник Ужгородського національного університету. – 2013. – Серія ПРАВО. Випуск 22. Частина I. Том 1. – С. 197-200.

7. Калаур І.Р. Поняття договору найму у стародавньому римі та актах кодифікації цивільного законодавства на українських землях // Часопис Академії адвокатури України. – 2013. – № 3. – С. 01-07.

8. Про деякі питання практики застосування законодавства про оренду (найм) майна: Постанова Вищого господарського суду від 29.05.2013 р. № 12 // Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/v0012600-13>

9. Щодо роз'яснень положень Цивільного кодексу України: Лист Мін'юсту України. – 2004. – № 8-11-19 // Бізнес-Бухгалтерія-Право. Податки. Консультації. – 2004. – № 26. – с. 16.

10. ВАСУ: аренда — это не услуга, поэтому не требует применения ПРО // Налоги и бухгалтерский учет. – 2013. – № 42. – с. 45.

11. Кокоева Л. Т. Основные проблемы гражданско-правового регулирования арендных отношений: дис. д-ра юрид. наук: 12.00.03. / Л.Т. Кокоева / Саратовская государственная академия права. – М.: 2005. – 44 с.

12. Хозяйственное право: Учебник / В.К. Мамутов, Г.Л. Знаменский, К.С. Хахулин и др.; Под ред. Мамутова В.К. – К.: Юринком Интер, 2002. – 897 с.

СУЩНОСТЬ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ ПРОТИВОПРАВНЫМ ДЕЙСТВИЕМ (БЕЗДЕЙСТВИЕМ) ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА И НЕПОЛУЧЕННОЙ ПРЕДПРИЯТИЕМ, УЧРЕЖДЕНИЕМ, ОРГАНИЗАЦИЕЙ ПРИБЫЛЬЮ

Дмитрий ТИМОШЕНКО,
аспирант кафедры трудового права

Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Summary

The theoretical research of nature of causation-consequential relation between unlawful actions (inaction) of an official and profit loss of the enterprise, institution, organization is provided in the article. The analysis of legal, philosophical literature, legislation of Ukraine on research of the categories «loss of profit», «causation-consequential relation» is carried out. An opinion that in labor law causation-consequential relation between unlawful actions (inaction) of an official and loss of profit of the enterprise, institution, organization may not be direct is expected but indirect only.

Key words: causation-consequential relation, causality, loss of profit, damage, income.

Аннотация

В статье проводится теоретическое исследование сущности причинно-следственной связи между противоправным действием (бездействием) должностного лица и неполученной предприятием, учреждением, организацией прибылью. Осуществляется анализ юридической, философской литературы, законодательства Украины в части исследования категорий «неполученная прибыль», «упущенная выгода», «причинно-следственная связь». Высказывается мнение, что в трудовом праве причинно-следственная связь между противоправным действием (бездействием) должностного лица и неполученной предприятием, учреждением, организацией прибылью может быть только косвенная, но никак не прямая.

Ключевые слова: причинно-следственная связь, причинность, неполученная прибыль, упущенная выгода, ущерб.

Постановка проблемы. 13 мая 2014 года Верховный Совет Украины принял Закон Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно защиты прав инвесторов» № 1255-VII (далее – Закон), который вступил в силу с 1 июня 2014 года. Закон предусматривает ряд нововведений в законодательство Украины. Ключевым нововведением является внесение ряда изменений в Кодекс законов о труде Украины. В частности, ч. 4 статьи 130 КЗоТ Украины «Общие основания и условия материальной ответственности работников» содержит такое дополнение: «... ответственность за неполученную предприятием, учреждением, организацией прибыль может быть возложена только на работников, которые являются должностными лицами».

Ч. 2 ст. 131 Кодекса законов о труде Украины, а также п. 11 Типовых пра-

вил внутреннего трудового распорядка закрепляют обязанность работника бережно относиться к имуществу предприятия, учреждения, организации, экономно и рационально использовать сырье, материалы, энергию, топливо и иные материальные ресурсы, принимать меры к предотвращению ущерба. Нарушение этих обязанностей приводит к материальному ущербу и, следовательно, к ответственности рабочего перед предприятием, учреждением, организацией.

Привлечь работника к материальной ответственности можно только при наличии всех условий: прямого действительного ущерба; противоправности; вины; прямой причинно-следственной связи. Согласно ч. 2 ст. 130 Кодекса законов о труде Украины «при возложении материальной ответственности права и законные интересы работников гарантируются путем установления от-

ветственности только за прямой действительный ущерб,... когда такой вред причинен предприятию, учреждению, организации противоправными действиями (бездействием) работника...».

Однако с 1 июня 2014 действует исключение относительно прямого действительного ущерба, нанесенного предприятию, учреждению, организации вследствие противоправных виновных действий (бездействия) работника (должностного лица). Так, Законом Украины № 1255-VII вводится новшество в ч. 4 ст. 130 Кодекса законов о труде Украины относительно возможности привлечения работника (должностного лица) к материальной ответственности не только за прямой действительный ущерб, но и за неполученную прибыль.

Теперь законодатель вводит новое понятие в трудовое право – «неполученная прибыль», которого до сих пор не было в законодательстве о труде и определение которого отсутствует. Поэтому возникает вопрос, как же будут взаимодействовать такие условия привлечения работника (должностного лица) к материальной ответственности, как «неполученная прибыль» и «причинно-следственная связь».

Актуальность темы исследования подтверждается степенью нераскрытости темы: в настоящее время нет ни одной фундаментальной работы по указанной теме.

Проблеме раскрытия сущности «неполученной прибыли», «упущенной выгоды», причинно-следственной связи при неполучении предприятием, учреждением, организацией прибыли посвятили свои научные работы такие ученые, как О. С. Иоффе, М. Бунге, И. В. Розизнана, В. В. Васькин, Е. С. Белинский и другие.

Целью статьи является не столько оценить введение законодателем возможности работодателя привлечь работника (должностного лица) к материальной ответственности за неполученную предприятием, учреждением, организацией прибыль, сколько исследовать природу причинно-следственной связи между противоправным виновным действием или бездействием работника (должностного лица) и негативным последствием в виде неполученной предприятием, учреждением, организацией прибылью.

Изложение основного материала.

Причинно-следственная связь между противоправным виновным действием или бездействием работника и наступившим прямым действительным ущербом должна быть прямой (непосредственной), то есть такой, при которой имущественный вред непосредственно, неизбежно следует из действий или бездействия работника [1, с. 369].

Согласно п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Украины от 29 декабря 1992 № 14 «О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного предприятиям, учреждениям, организациям» под прямым действительным ущербом, в частности, следует понимать потерю, ухудшение или снижение ценности имущества, необходимость для предприятия, учреждения, организации понести затраты на восстановление, приобретение имущества или иных ценностей или провести лишние, т.е. вызванные вследствие нарушения работником трудовых обязанностей, денежные выплаты.

Природа неполученных доходов иная, чем природа прямого действительного ущерба. Поэтому для того, чтобы правильно определиться с сущностью причинно-следственной связи между противоправным виновным действием (бездействием) работника (должностного лица) и неполученной предприятием, учреждением, организацией прибылью, необходимо сначала исследовать природу «неполученной прибыли».

О. С. Иоффе обращает внимание на то, что разграничение двух видов убытков (действительного ущерба и неполученных доходов) представляет практический интерес независимо от того, придерживаться ли мнения о целесообразности их полного возмещения либо настаивать на ограничении материальной ответственности лишь пределами положительного ущерба в имуществе. В первом случае приведенная классификация практически важна постольку, поскольку лишь при этом условии в рассмотрении каждого отдельного дела будут исключены ошибки, вследствие которых неполученная плановая прибыль иногда вообще не признается убытками. Если же, напротив, считать, что возмещению подлежит только положитель-

ный ущерб в имуществе, то выделение в особую классификационную рубрику неполученной плановой прибыли уже не только целесообразно, но и абсолютно необходимо, так как лишь при этом условии практически осуществимо ограничение объема ответственности теми узкими пределами, на которых настаивают некоторые авторы. Но четкое разграничение действительного (положительного) вреда и неполученных доходов иногда затрудняется вследствие тесной взаимосвязи, существующей между ними в целом ряде встречающихся в практике случаев [2, с. 204].

Относительно различия действительного ущерба от неполученной прибыли (упущенной выгоды) Е. С. Белинский отмечает, что законодательство о труде никогда не допускало взыскания упущенной выгоды, имеющего место в гражданском праве, потому что это противоречит принципам трудовых отношений. Поскольку понятию «упущенная выгода» противопоставлялось понятие «прямые убытки», то в литературе «прямые убытки» поглощались понятием действительного (положительного) ущерба, т.е. придавалось одинаковое значения понятиям «положительный ущерб», «действительный ущерб» и «прямые убытки». Термин «положительный ущерб в имуществе» был взят из ранее действовавших гражданских кодексов союзных республик и противопоставлялся упущенной выгоде [3, с. 76].

Термин «неполученная прибыль» в законодательстве о труде появляется впервые, однако законодатель не дает ему определение.

И. В. Розизнана в своем исследовании обращает внимание на то, что на сегодняшний день ни в законодательстве, ни в судебной практике, ни в теории не сложилось единого понятия упущенной выгоды (неполученной прибыли по содержанию Хозяйственного Кодекса Украины). Так же нет ответа на вопрос, что оно в себя включает, а от этого зависит, в том числе, и разработка методики расчета упущенной выгоды (определение размера упущенной выгоды и ее доказательства). Кроме того, и в законодательстве, и в доктрине термин «упущенная выгода», как правило, используется как понятие, тождественное термину «неполученные доходы» [4, с. 24].

Убытки как негативные последствия, наступившие в имущественной сфере потерпевшего от правонарушения лица, в законодательстве Украины традиционно состоят из двух частей – реального ущерба и упущенной выгоды [5, с. 375]. Ч. 2 ст. 22 Гражданского Кодекса Украины содержит следующее положение: «Убытками есть... 2) доходы, которые лицо могло бы реально получить при обычных обстоятельствах, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода)».

Согласно абз. 4 ч. 1 ст. 225 Хозяйственного Кодекса Украины в состав убытков включается, в частности, неполученная прибыль (утраченная выгода), на которую сторона, которая понесла убытки, имела право рассчитывать в случае надлежащего выполнения обязательства второй стороной.

В соответствии с Законом Украины «О внешнеэкономической деятельности» упущенная выгода – это доход или прибыль, который мог бы получить субъект внешнеэкономической деятельности в случае осуществления внешнеэкономической операции и который он не получил в результате действия обстоятельств, не зависящих от него, если размер его предполагаемого дохода или прибыли можно обосновать.

Согласно ч. 4 ст. 74 Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи 1980 г. упущенная выгода (lost profit) включает любое предполагаемое увеличение активов стороны, которое не произошло по причине нарушения договора другой стороной.

Таким образом, упущенная выгода (неполученные доходы) – это доходы, которые лицо могло бы реально получить при обычных обстоятельствах, если бы его право не было нарушено. Упущенная выгода отражает разницу между реально возможным в будущем, потенциально полученным при обычных обстоятельствах имуществом и уже имеющимся имуществом.

Упущенная выгода отличается от реальных убытков тем, что на момент совершения правонарушения она является только возможной (будущей), а не наличной имущественной потерей, а также ее размер можно установить лишь приблизительно, с некоторым предположением [5, с. 376].

В научно-практическом комментарии к Гражданскому Кодексу Украины отмечается, что упущенная выгода заключается в том, что вопреки ожиданиям имущественные активы субъекта не увеличились. Размер упущенной выгоды определяется лишь приблизительно, так как неизвестно, какие факторы могли бы повлиять на прибыль [6, с. 243].

Реальный, предполагаемый и ожидаемый характер имущественного прироста в сочетании с указанием на вероятность его получения являются теми свойствами, которые позволяют отделить упущенную выгоду от реального вреда.

Оценивая в связи с этим существующую в Гражданском Кодексе Украины легальную дефиницию упущенной выгоды, нужно отметить, что, кроме названных критериев реальности и достоверности, она оперирует еще одним условием получения доходов – при обычных обстоятельствах. Критерий «обычные обстоятельства», безусловно, имеет оценочный характер. Не случайно ряд ученых высказывают довольно критическое отношение к такому критерию [4, с. 25].

Так, В. В. Васкин считает, что неполученные доходы, полученные лицом при «обычных условиях», не могут включаться в структуру убытков, так как «обычные условия оборота» – это факторы, которые не находятся в причинной связи с отношениями сторон [7, с. 117].

Тогда, исходя из вышеизложенного, если «обычные условия оборота» не находятся с отношениями сторон в причинно-следственной связи, если на момент совершения правонарушения выгода или прибыль является лишь потенциально возможной в будущем, если размер выгоды или прибыли можно установить лишь приблизительно и неизвестно, какие факторы могут повлиять на прибыль, возникает ряд вопросов. Может ли вообще существовать причинно-следственная связь между противоправным виновным действием (бездействием) работника (должностным лицом) и неполученно предпринятием, учреждением, организацией прибылью? Ведь причинность – это лишь одна из категорий в ряду категорий детерминации [8, с. 31]. То есть причинно-следственная связь

(причинная детерминация) – это одна из связей среди других взаимозависимостей, таких как количественная самодетерминация, взаимодействие, механическая детерминация, статическая детерминация, структурная (или холистская) детерминация, телеологическая детерминация, диалектическая детерминация (или качественная самодетерминация) [8, с. 31 – 32]. Тогда, возможно, в нашем случае будет существовать не причинная зависимость, а другое взаимодействие? А если все же именно причинно-следственная связь имеет место, то, исходя из определения и природы неполученной прибыли, насколько она будет необходимой, будет ли она прямой, непосредственной или будет только косвенной? За что именно тогда правонарушитель несет ответственность: за неполученную предприятием, учреждением, организацией прибыль как таковую или за утраченную потенциальную возможность ее получения в будущем?

О. С. Иоффе пришел к таким выводам, что, если положительный ущерб в имуществе еще и можно представить в виде естественно осязаемого результата, особенно в случаях его связи с уничтожением либо повреждением тех или иных ценностей, то неполучение плановой прибыли, рассуждая натуралистически, – это, скорее, наступивший результат, нежели реально возникшее последствие. Но тот же факт приобретает совершенно иное качество, если его рассматривать под углом зрения имущественных отношений, в сфере которых он наступил. Имущество в его широком понимании представляет собой совокупность не вещей, а прав и обязанностей, принадлежащих данному лицу, и, следовательно, выражает определенный комплекс общественных отношений, участником которых это лицо является. Нарушить общественные отношения – значит оказать отрицательное воздействие на их развитие либо путем снижения уже достигнутого уровня, либо путем создания препятствий на пути к его дальнейшему подъему. В этом именно и проявляется различие между двумя видами убытков: если причиненные убытки вызывают снижение уже достигнутого уровня развития этих отношений, выражаясь либо в непроизводительных затратах,

либо в уничтожении или повреждении имущественных ценностей, – они называются положительным ущербом в имуществе; неполученной плановой прибылью убытки именуется в тех случаях, когда они заключают в себе препятствие на пути к достижению нового, более высокого развития данных общественных отношений, что получает свое выражение в стабильном, неизменном состоянии имущества, принадлежащего потерпевшему [2, с. 205-206].

Соглашаясь с О. С. Иоффе, мы придерживаемся мнения, что «естественной» причинно-следственной связи при неполученной прибыли (упущенной выгоде) нет, а есть специальная юридическая причинно-следственная связь, отличающаяся от общеправовых представлений. «Когда, например, автомашина, принадлежащая таксомоторному парку, кем-либо повреждается, то между причиной, приведшей к ее повреждению, и самим фактом повреждения машины еще можно установить естественную связь. Но какая «естественная связь вещей» существует между фактом повреждения такси и неполучением определенной прибыли таксомоторным парком в продолжение времени, когда машина стояла на ремонте? Неполучение прибыли является убытком, который, в отличие от положительного ущерба в имуществе, не имеет, если можно так выразиться, своего «естественного основания», а представляет собой только общественную категорию. Перед нами причинная связь, которая не исчерпывается «естественной связью» между вещами и не может быть сведена к ней» [2, с. 217].

Таким образом, по нашему мнению, этот пример, где следствием противоправного деяния является неполученная прибыль (упущенная выгода), ярко отражает юридическую сущность понятия «причинно-следственной связи», поскольку единственным основанием возникновения такого следствия является либо норма, либо обязательство, и является достойным аргументом в ответ ученым, которые настаивают на том мнении, что категория «причинно-следственная связь» является исключительно общеправовой. Например, в учебнике по гражданско-

му праву отмечается: «Причинность не является специфично-юридической категорией, а представляет собой общее понятие, присущее всем явлениям природы и общества» [5, с. 378].

Размышляя о виде причинно-следственной связи между противоправным действием (бездействием) работника (должностного лица) и неполученной предприятием, учреждением, организацией прибылью, мы не смогли найти такой пример, когда причинно-следственная связь была бы прямой (непосредственной).

Если обратиться к практике гражданского права, то в большинстве случаев, мы считаем, имеет место опосредованная (косвенная) причинно-следственная связь, исходя из самой сути неполученной прибыли, которая была исследована выше. Это случаи такие, как непоставка продукции, или несвоевременная поставка таковой, или повреждения имущества, которое могло бы приносить прибыль, поскольку эти факты только вызывают прекращение развития отношений, а сама потеря прибыли непосредственно не возникает. Здесь имеет место лишение возможности дальше развивать отношения, направленные на получение прибыли, между фактом которых существует целый ряд причин и следствий. А для получения прибыли нужны были бы дополнительные действия потерпевшей стороны, если бы нарушения не было.

Нам думается, что примером прямой (непосредственной) причинно-следственной связи является случай нарушения обязательства по договору, где лицо обязуется пользоваться услугами исключительно данной стороны и нарушает обязательство тем, что обращается к услугам третьей стороны. В этом случае лицо именно своими противоправными действиями порождает упущенную выгоду другой стороны, поскольку оно должно было обратиться к ней согласно договору, и исключительно его действие является необходимою причиной последствий, сам факт обращения к третьей стороне порождает упущенную выгоду.

Выводы. Однако трудовые отношения имеют совершенно иную природу, отличающуюся от гражданских отношений, где имеет место договорное право. А обязанности работника

устанавливаются трудовой функцией. Поэтому, исходя из характера трудовых отношений и трудовой функции должностного лица, которое лично работу не выполняет, а осуществляет организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, мы пришли к выводу, что в трудовом праве причинно-следственная связь между противоправным действием (бездействием) должностного лица и неполученной предприятием, учреждением, организацией прибылью не может быть прямой (непосредственной), а только опосредованной (косвенной). Например, если в результате виновных противоправных действий должностного лица возник простой, приведший к неполученной предприятием прибыли, то причинно-следственная связь между такими действиями и неполученной прибылью будет опосредованной (косвенной), поскольку между противоправными действиями должностного лица и неполученной прибылью еще имеет место факт простоя. Сам факт противоправного поведения не является необходимой причиной потери прибыли. Неизвестно, какие факторы могли бы повлиять на прибыль, зависела ли бы она от «обычных обстоятельств», которые не находятся в причинной связи с отношениями сторон. Прибыль в таком случае имеет ожидаемый характер, то есть ее наступление не было бы необходимым, а только вероятным.

Список использованной литературы:

1. Трудове право : підручник [для студ. юрид. спец. вищ. навч. закл.] / В. В. Жернаков, С. М. Прилипко, О. М. Ярошенко та ін.; за ред. В. В. Жернакова. – Х: Право, 2013. – 496 с.
2. Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву / О. С. Иоффе. – Л.: Изд. Ленинградского ун-ва, 1955. – 310 с.
3. Белинский Е. С. Материальная ответственность рабочих и служащих : монография / Е. С. Белинский. – Київ ; Донецк : Вища шк., 1984. – 168 с.
4. Розізнана І. В. Поняття та ознаки упущеної вигоди в цивільному праві / І. В. Розізнана // Юридичний науковий електронний журнал [Електронний ре-

супс]. – Режим доступу : http://www.lsej.org.ua/2_2014/8.pdf.

5. Цивільне право: підручник: у 2 т. / В. І. Борисова, Л. М. Баранова, Т. І. Бегова та ін.; за ред. В. І. Борисової, І. В. Спасибо-Фатєєвої, В. Л. Яроцького. – Х.: Право, 2012. – Т. 1. – 565 с.

6. Цивільний кодекс України: Науково-практичний коментар (пояснення, тлумачення, рекомендації з використанням позицій вищих судових інстанцій, Міністерства юстиції, науковців, фахівців). – Т. 1: Загальні положення / За ред. проф. І. В. Спасибо-Фатєєвої. – Серія «Коментарі та аналітика». – Х.: ФО-П Колісник А. А., 2010. – 320 с.

7. Васькин В. В. Возмещение реального вреда и упущенной выгоды / В. В. Васькин // Хозяйство и право. – 1994. – № 3. – С. 116–119.

8. Бунге М. Причинность. Место принципа причинности в современной науке: пер. с англ. / М. Бунге. – М.: Изд-во иностр. л-ры, 1962. – 511 с.

БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ КАК ОСНОВА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

Иван ТИТКО,

кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия
Полтавского юридического института

Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Summary

The article described the author's vision of the ratio of frequent and public interests in the criminal procedure law. Expressed the author's position on the existing problems of today. Suggests possible ways to resolve them. The author concluded, that it is impossible to identify the scope of criminal proceedings, which would have prevailed in the pure state public or private interest. Fact of the impact of interest on the differentiation of criminal procedure form is demonstrated. The author substantiated the thesis about tendencies of expansion of private interest in criminal proceedings. It is proved that existence in criminal proceedings public and private interests makes the sphere of criminal proceedings heterogeneous. In turn, the dominance of a particular interest creates differentiation of criminal procedure form. Depending on which interest wick recognized the driving force in building relationships, the order of the criminal proceedings is fundamentally changing.

Key words: private interest, private elements, optionality, publicity, protection of the interests.

Аннотация

В статье изложено авторское видение вопроса соотношения частного и публичного интересов в уголовном процессуальном праве. Высказана позиция относительно существующих на сегодня проблем. Предложены возможные пути их разрешения. Сделан вывод о невозможности выделения сферы уголовного судопроизводства, в которой бы в чистом виде превалировал публичный либо частный интерес. Показан факт влияния интереса на дифференциацию уголовно-процессуальной формы. Обоснован тезис о тенденции расширения частного интереса в уголовном процессе. Доказано, что существование в уголовном процессе публичных и частных интересов делает сферу уголовного судопроизводства неоднородной. В свою очередь преобладание того или иного интереса порождает дифференциацию уголовно-процессуальной формы. В зависимости от того, какой именно интерес признан движущей силой в построении правоотношений, принципиально меняется порядок уголовного производства.

Ключевые слова: частный интерес, частные начала, диспозитивность, публичность, защита интересов.

Постановка проблемы. Известное выражение, рожденное еще во времена Римской империи, гласит «*is fecit, qui prodes*» – сделал тот, кому выгодно. То есть восприятие интереса как движущей силы различного рода процессов (в том числе социальных) сформировалось довольно давно.

В свою очередь, любая отрасль права, как регулятор общественных отношений (в том числе в сфере уголовного судопроизводства), безусловно, должна максимально полно учитывать интересы всех участников регулируемых ею отношений. Вместе с тем отображение в нормативной регламентации того либо иного интереса влияет на особенности отрасли

права, что в случае с уголовным процессом довольно часто находит проявление в дифференциации форм уголовного судопроизводства.

Цель статьи. Целью, которую ставит перед собой автор, является доказать факт влияния интереса на дифференциацию уголовно-процессуальной формы, а так же выявить определенные закономерности такого влияния.

Состояние исследования и его актуальность. Безусловно, следует указать, что вопрос интересов в уголовно-процессуальном праве не является абсолютно новым и его разработка в той либо иной мере была представлена в трудах ряда ученых, среди которых нельзя не вспомнить